

Псковское дворянство: генеалогия, судьбы, имения

Е.В.Лебеденко

О роде Ковалевских

Род Ковалевских, из которого происходила моя мать, Елена Владиславовна Ковалевская (по мужу Лебеденко), имеет старинные польские корни. Время и особенно период советской власти стерли многие имена; документы, хранившиеся в семейных архивах, были утрачены; сохранились лишь устные предания, зачастую искаженные; фотографии и память чудом уцелевших потомков. В семье бытовала легенда об одном из далеких предков, Доминике, служившем при польском престоле, которая заведомо имела серьезный изъян: существовало две противоречивых версии этого предания. По одной из версий, Ковалевский состоял виночерпием при Яне-Казимире II (король польский с 1632 по 1648 гг.), по другой – при дворе короля Сигизмунда. Ирония заключалась уже в том, что в XVI в. польский престол занимали Сигизмунд I – с 1506 г.; его сын Сигизмунд II Август – с 1548 г., присоединивший к Польше Лифляндию, Курляндию и Семигалию и добившийся объединения Польши и Литвы на Люблинском сейме в 1569 г.; с 1587 по 1632 гг. польский престол принадлежал Сигизмунду III, объявившему войну с Россией и поддержавшему Лжедмитрия I.

Разброс дат и имен был столь велик, что нисколько не облегчал поисков подлинных фактов и документов, связанных с историей. Начало в № 15/2001 г.
Лебеденко Елена Владимировна - член Союза архитекторов России (г. Москва).

торией рода, и ни одна из версий не могла послужить отправной точкой для серьезного исследования. Другое семейное предание связывало перемещение шляхтичей Ковалевских с родовых земель и последующее расселение вблизи польско-литовских границ с противостоянием польской шляхты Московскому престолу.

Видимо, нелепо было связывать это предание с событиями 1830 г.: в документах Псковского государственного архива сохранились материалы, исключающие причастность Ковалевских и фамилий, связанных с ними родством, к польскому восстанию (ГАПО, ф. 20, оп. 1, дд. 1512, 2185 с грифом «Весьма секретно» и поименный список лиц, причастных к восстанию 1830 г.). Если предположить, что семейное предание все-таки было основано на каких-то реальных событиях, то в этом случае следует строго ограничить временные рамки и отнести их к значительно более раннему периоду – Смутному времени и польским походам на Москву, завершившимся отречением в 1668 г. короля Яна-Казимира II.

Фамилия Ковалевских в библиографических источниках встречается достаточно часто, причем не всегда ясно, идет ли речь о единокорнях или однофамильцах. Характерный пример дает выдержка из «Библиографического указателя по истории геральдики и родословию» под ред. Л.М. Савелова (изд. 2-ое за 1898 год, стр.143), где перечисляются первоисточни-

ки, в которых имелись упоминания о представителях рода: 1) список Чрнгв.дв. 1783 г. (списки черниговских дворян, извлечение из губернских ведомостей; 2) Бояр.Кн. (Иванов. Указатель к боярским книгам); 3) Чрнгв.дв. 1881г. (Милорадович, гр. Алфавитный список дворян Черниговской губернии); 4) Харьков.дв. (Илляшевич, Краткий очерк истории харьковских дворян); 5) Юго-Зап. Арх. (Указатель к изданиям Врем. Комиссии); 6) Заметка о роде. Энциклопедический словарь Брокгауза, 30; 7) Тверское дв. (автор Чернявский); 8) Дв.р. ч.2 (Бобринский, Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник); 9) П Г 4.1 (Гербовник двор. Родов Царства Польского); 10) Общ. Герб.Ш (Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи); 11) Казань (Алфавитный список родоначальников Казанской губернии).¹

Как показал внимательный разбор, ссылки на Общий Гербовник Ш (п.10) и Польский Гербовник (п.9), приведенный Л.М. Савеловым, не могут считаться исчерпывающими. Так, в Гербовнике Ш, 102 упомянуты Ковалевские, Определением бывшего Харьковского дворянского собрания внесенные в 6-ую часть древнего дворянства. Начертание герба во многом основано на начертании герба «Dolega» Польского Гербовника, на который ссылается гр. А.Бобринский. Однако в списке дворян царства Польского, помимо Ковалевских h.Dolega, были Ковалевские h.Lada, Ковалевские h.Junosza и Ковалевские h.Прус Ш, а в «Библиографическом указателе» Л.М. Савелова и в книге А. Бобринского «Дворянские роды» (СПб., 1890) эта информация отсутствовала. В начале поисков я располагала лишь некоторыми документами, из которых следовало, что мой прадед Викентий Антонович Ковалевский был отнесен к 6-ому родословию, и ошибочно полагала, что могу уверенно опираться на упомянутый источник, в котором дано описание герба рода Ковалевских.

Однако дополнительные поиски, заставившие обратиться к материалам Витебского Дворянского Собрания, позволили проследить восходящую родословную моих деда и прадеда до 1674 г., когда Ловчий²

Ковенский Станислав Ковалевский/Шевердыкович-Ковалевский Герба Прус Ш «присутствовал при совершении присяги Королем Яном Ш³ на Pacta Conventa и подписал их (1674.06.05)». Его сын Федор в годы правления короля Яна Ш Собесского был Мостовничим⁴ Полоцким (1879 г.) и Подстолием⁵ Черниговским (привилей 1683.06.15 короля Яна Ш), в обязанности которого входила организация встреч и застолий, которым сопровождался приезд в город короля.

Поколенная роспись рода относит Антона-Доминика (Антония-Доминика), родившегося в 1804 г. 30 января, и его сына Викентия Антоновича (Винцента-Юзефа-Антония или Викентия-Иосифа-Антоня), родившегося в 1831 г. 28 октября, к 3-ей ветви 1-го ответвления 1-ой линии рода, ведущего свое родословие от Станислава Ковалевского (Шевердыкович Ковалевский) герба Прус Ш. Когда была утрачена первая часть (Шевердыкович) двойной фамилии, неизвестно. Имеется также смутное указание на то что герб Прус Ш стал в дальнейшем мало употребим, где-то упоминается герб Долэнга. Возможно, это обстоятельство как-то связано с заключающимися браками – поколенная роспись сохранила некоторые женские имена – жены прямых предков моего прадеда Викентия-Иосифа-Антоня также принадлежали к польским дворянским родам, пользовались гербами, но названия гербов отсутствуют, так же как и имена многих других прапрабабушек.

В соответствии с Высочайше утвержденным положением Комитета министров о новой форме грамот на потомственное почетное дворянство от 27 мая (20 июля) 1855 г. Викентий Антонович должен был представлять документы, подтверждающие родословную Ковалевских, и впоследствии 28 июня 1871 г., было вынесено Определение о внесении Викентия Антоновича Ковалевского в 6-ую часть дворянской родословной книги.⁶ При этом прадеду, очевидно, пришлось столкнуться с необходимостью получения копий с родословных своих предков, возможно, из Метрик присоединенных провинций, хранивших акты быв-

шей Польской Коронной или Литовской Метрик, и представить «грамоты, универсалы и справки», которые должны были подтвердить принадлежность его к роду своего отца Антония-Доминика Ковалевского и деда Михаила.

Винцент – Юзеф – Антоний

Викентий – Иосиф – Антон

родился в семье Антона-Доминика и его жены Ксаверии Червинской 28 октября 1831 г. Отец Викентия Антоновича был сыном Михала Ковалевского (1766.09.21, +...) и Зузанны Блажевич. О братьях его, родном, Николае, и двоюродных, Антонии-Игнати, Дотане-Яне, мне никогда не приходилось слышать.

Зато прадед гордился своим родством со знаменитыми учеными Владимиром и Александром Онуфриевичами Ковалевскими. Долгое время я ошибочно предполагала, что отец ученых Онуфрий приходился прадеду двоюродным или даже родным братом. Однако родословная поколенная роспись не оставляет сомнений – родство, по-видимому, было, но достаточно далекое. Если Антоний-Доминик относился к 7-му колелу 3-ей ветви 1-го ответвления 1-ой линии рода Станислава Швердыкович-Ковалевского герба Прус III, то отец ученых Онуфрий сын Юзефа (Осипа) относился к 7-му колелу 2-ой ветви 1-го ответвления 1-ой линии того же рода, т.е. Антон и Онуфрий были всего лишь троюродными братьями. Мало того, оставляет некоторое недоумение небольшое расхождение в дате рождения Онуфрия с приведенной в литературных источниках, посвященных Александру Онуфриевичу, недоумение, которое заставляет сомневаться и в тождестве самой личности Онуфрия из родословной поколенной росписи с Онуфрием Осиповичем – отцом ученых. Справедливости ради надо отметить, что сами литературные источники, относящиеся к личности Александра Онуфриевича, противоречат друг другу во многих датах и деталях.

В отличие от своих знаменитых родственников Викентий Антонович, по-видимому, не обнаруживал склонности к науке, но прочно обосновался на земле. Ему принадлежали земли в Новоржевском у.,

Псковской губ., - имение Измалково в Дворицкой вол. (впоследствии Бежаницкой) и охотничьи угодья в районе Пустошки.

Старшие дети Викентия Антоновича – Аделаида, Константин и Михаил – родились в имении Хилково, по-видимому, ставшим лишь временным пристанищем для молодой семьи. Младший сын Владислав, мой дед, родился уже в Измайловке, очевидно, приобретенной в 1860-1861 гг.

Старшая дочь Аделаида, родившаяся в Хилкове, стала крестницей Надежды Неклюдовой, возможно, владелицы имения. Во всяком случае, запись к уездному генеральному плану 1817 г. называет имя тогдашнего владельца Хилкова – Василия Неклюдова. Имение Измалково (Измальково тож) в 1783 г. значилось за артиллерийским поручиком Степаном Матвеевым Нелединским (удобной земли 400 десятин). В 1841 г. над малолетними Нелединскими (скорее всего внуками упомянутого Степана) была учреждена опека, после чего, по всей вероятности, имение было продано и стало с тех пор родовым гнездом семьи Викентия Антоновича.

Супругой Викентия Антоновича была одна из двух рано осиротевших сестер Пиотровских, польско-литовского происхождения. Анна Пиотровская до замужества была вынуждена зарабатывать на жизнь, работая гувернанткой в богатом доме. Ее сестра Мария Пиотровская (Петровская) до своего замужества служила экономкой в состоятельной семье. Ее мужем стал виленский дворянин Степан-Карл Матеушев, Рокицкий во дворянстве.

В 1857 г. 7 февраля по старому стилю в Хилково⁷ родилась единственная дочь Викентия Антоновича – Аделаида, а через год, 22 марта 1858 г., Константин. Окрестили старших детей в Сокольницкой Приходской римско-католической церкви.

Двумя годами позже, 6 января 1861 г., в имении Хилково родился Михаил, который был окрещен в Новоржеве 9 мая того же года.

Младший сын Викентия Антоновича и Аннеты, Владислав, увидел свет уже в Измалково, Новоржевского у., - 17 февра-

ля 1862 г. Окрещен младенец был 10 мая 1862 г. в уездном городе Новоржеве, Псковской губ., о чем свидетельствует выпись из метрической книги Псковской римско-католической приходской церкви. Восприемниками были Викентий Козаневич с Викторией Ковалевской, видимо, состоявшей с Викентием Антоновичем в родстве.

О годах взросления моего деда, его братьев и сестры, о быте тех лет, а также о судьбе Аделаиды Викентьевны не сохранилось никаких сведений. Более того, неизвестно, дожила ли сестра моего деда до зрелых лет. Кто знает, возможно, она умерла в детстве или даже в младенчестве? Единственным живым свидетельством того, что она оставила глубокий след в душе моего деда, может служить имя, данное им своей старшей дочери, Аделаиде Владиславовне. О событиях жизненного пути сыновей Викентия Антоновича – Михаила и моего дедушки Владислава Викентьевича, напротив, известно сравнительно много, благодаря их публичной деятельности – участию в сессиях Новоржевского уездного собрания, в заседаниях земской управы, которые широко освещались местной печатью – «Вестником псковского Губернского земства» и «Журналом Новоржевского очередного уездного земского собрания» за ряд лет. Сохранились также формулярные списки о службе «б. Земского начальника 3-го участка Новоржевского уезда титулярного советника Константина Викентьевича Ковалевского от 19 ноября 1916-го года и формулярный список о службе ... Владислава Викентьевича Ковалевского», дающие достаточно полное представление об основных вехах в их службе. Меньше известно об обстоятельствах личной жизни братьев. По-видимому, в начале 80-х гг. братья Ковалевские познакомились с семьей Феллинского гражданина Фридриха Фальтинга, потомка выходцев из Голландии или Дании, и вскоре Константин Викентьевич сочетался браком с его дочерью Альвиной-Елизаветой, а Владислав, еще студент С.-Петербургского университета, женился на Александре Фридриховне, которая подарила ему уже в 1886 г. старшую дочь Аделаиду.

Викентий Антонович выделил женатым сыновьям каждому свою долю. Достоверно известно, что Константину Викентьевичу принадлежало немного земли в окрестностях Великих Лук, пустошь Казачий Обод, Спасоникольской вол. (1,5 дес.); впоследствии, кажется, имение Иваньково под Новоржевом и усадьба Прокофново. Измалково осталось в совместном владении Владислава Викентьевича и Викентия Антоновича. Средний сын Викентия Антоновича, Михаил Викентьевич, обосновался в Новоржеве, рядом с Измалковым находилось его имение Картачи (Карташево тож) и пустошь Курочкино-Селиваново Дворицкой вол.

Мой прадед Викентий Антонович оставался страстным охотником, увлекался культурным землепользованием, разводил на своих землях фруктовые сады, выписывал отовсюду сортовые саженцы яблонь, держал пасеку, конюшню, псарню, в Измалкове в искусственных водоемах разводили карпов. Сам Викентий Антонович не чурался грязной работы и тем заслужил доброе имя и уважение в округе. Когда прадед умер, вместе с родней в последний путь его провожали деревенские жители. Сохранилась фотография этой огромной похоронной процессии.

Невестка Викентия Антоновича, моя бабушка Александра Федоровна, тоже пользовалась у деревенских доверием, к ней запросто обращались женщины за житейским советом и помощью. Такие в известной степени патриархальные отношения спасли семью во время революции. Имение Измалково не только не было разрушено, но еще некоторое время служило пристанищем для семьи, до специального распоряжения Новоржевского уездного землеуправления. Постановление относится к 1925 г., но еще в 1926-1927 гг. в Измалково навевывались внуки Викентия Антоновича, мои двоюродные братья Юрий и Олег, сыновья Аделаиды Владиславовны.

В 1925 г. умерла мамина сестра Евгения Владиславовна (Женя), и, кажется, она была последней из семьи, захороненной в Измалково на родовом кладбище.

Большая часть жизни Викентия Антоновича связана с Новоржевским у., Псковской губ. В списке потомственных дворян Новоржевского у. за 1861 г. значится Ковалевский Викентий Антонович, помещик, 39 душ мужского пола, земли незаселенной 374 десятин. Его имя упоминается в списке дворян Новоржевского у., избранных на губернское дворянское собрание от 7 ноября 1873 г.; значится в списках дворян Новоржевского у. к выборам на 35-е трехлетие (1879 г.), на 37-е трехлетие (1885 г.), на 38-е трехлетие (1888 г.), на 43-е трехлетие (1903 г.).

В памятных книжках Псковской губ. имя упоминается в 1906, 1909 и 1913-1914 гг. Дата его смерти, очевидно, совпала со временем 1-ой империалистической войны.

Анна Ивановна Пиотровская

Жена прадеда, Анна Ивановна, урожденная Пиотровская, умерла на несколько лет раньше Викентия Антоновича. Глядя на их последние фотографии, трудно представить, что в молодые годы они пережили семейную драму, отголоски которой чувствовались всю оставшуюся жизнь. Уже выйдя замуж за Викентия Антоновича и родив ему старших детей, Аннеточка, как звал ее прадед, едва не погубила свою репутацию и жизнь мужа, когда влюбилась и потеряла голову настолько, что совершила отчаянную попытку сбежать с возлюбленным. Не знаю, кто рассказал детям эту романтическую историю, но мама, бабушкина любимица, называла фамилию похитителя – Катин. Он был не то гусар, не то улан. Побег не удался.

Перед лицом взбешенного прадеда Катин с позором ретировался, прабабка была водворена в лоно семьи, а потом вскоре понесла и родила моего деда Владислава Викентьевича. Младшего сына любили оба, но Аннета никогда не примирилась с прадедом. Нет ни одной совместной фотографии, да и жили они, вспоминала мама, каждый на своей половине. Аннета заперлась у себя, прадед начал пить. Викентий Антонович тяжело переживал отчуждение своей жены.

Я уже рассказывала, что моя мама была любимицей прабабушки Аннеты. В

последние годы жизни прабабушка превратилась в грузную, полную, обрюзгшую старую женщину. Ей было трудно ходить, она тяжело опиралась на палку, и ничего уже не напоминало в ней героиню той давней романтической истории. Моя мама была к бабушке привязана, жалела ее и в сезон бегала на «змеиную горку» собирать для нее землянику. Ради самых крупных ягод, преодолевая холодок страха, мама забиралась на нетронутые полянки и однажды-таки сильно испугалась, когда наткнулась на агрессивно настроенную гадюку. Но зато как приятно, было порадовать бабушку! Анна Ивановна была уже совсем плоха, малоподвижна и проводила большую часть времени, сидя в своей комнате в кресле. До этого мама все время вертелась возле нее, как вдруг бабушка попросила ее сбежать в сад и распугать ворон (выстрелами из ружья, которых держали в доме много – для охоты), громко раскричавшихся возле окон. Мама моя послушалась, а когда вернулась в комнату, бабушка уже не дышала. Просто она нашла предлог, чтобы выпроводить внучку из комнаты, почувствовав приближение смерти. Боялась, что ребенок испугается. Когда-то она сама чудом избежала гибели, когда в Измалкове в зимнюю пору лошади, запряженные в сани и никем не управляемые, неожиданно понесли. Сани заскользили под уклон, зацепили дерево и начали опрокидываться. Кто-то остановил коней, а бабушка рассказывала, что спасла ее мольба к деве Марии, сорвавшаяся в тот миг с ее уст. Это событие только укрепило ее в вере, которую прабабушка пронесла через всю жизнь. Оба, и она, и прадед, были католиками.

И Викентий Антонович, и Анна Ивановна были похоронены в Измалково на родовом кладбище Ковалевских. Смерть наконец-то примирила стариков.

Когда-то я написала стихи, которые могут послужить эпитафией прадеду и прабабушке:

Годы пройдут, и, гости случайные,
Землю покинем с ее суетой.

Право, об этом не стоит печалиться,
Надо смириться с нашей судьбой.

Жизнь пробежит шагами неслышными,
Все позабудется, все отойдет.
Будут, как прежде, ветры душистыми,
И по весне соловей запоет.

Ласковый дождь слезою нечаянной
Тихо умоет лик земли,
И невзначай навсегда затеряются
Следы наших ног в прибитой пыли.

Константин Викентьевич Ковалевский старший сын Викентия-Иосифа-Антона Ковалевского, Константин Викентьевич, родился 22 марта 1858 г. (по ст. ст.) в имении Хилково и был крещен в Сокольницах 4 мая (ст. ст.) 1858 г. Константин Викентьевич, католик, был женат на сестре моей бабушки Альвине-Елизавете Фальтинг лютеранского вероисповедания. В 1876 г. закончил Псковское землемерное училище. С марта 1877 г. по 1891 г. служил землемером в Полтавской губ. Там, на Полтавщине, в 1888 г. родилась его старшая дочь Мария, впоследствии бабушка Зинаиды Капустиной (по мужу), которая осталась бездетной. Я ее помню, она приходила к маме сразу после войны. Умерла Зина Капустина сравнительно молодой. Могила ее почти рядом с могилой моих родителей и брата – на Донском кладбище в г. Москве.

Сын Константина Викентьевича, Константин Константинович, родился 28 октября 1894 г. в Великих Луках, где Константин Викентьевич в то время служил. В памятной книжке Псковской губ. на 1895 г. значится Ковалевский Константин Викентьевич – землемер уездной управы, участвовал в распланировании селений Великолукского уезда, в частности в пересоставлении плана Нового поселка при железнодорожной станции Новосокольники, который со временем превратился в город Новосокольники, один из районных центров Псковской обл. В 1904 г. Константин Викентьевич назначен земским начальником 3-го участка Новоржевского у., что по времени совпало с отъездом моего деда, брата Константина Викентьевича, в Петербург, куда Владислав Викентьевич был переведен чиновником по особым поручениям в Министер-

ство внутренних дел по продовольствию. Константину Викентьевичу Ковалевскому принадлежало, кажется, также Ивановское (около Новоржева) и усадьба Прохофново. Во всяком случае, по свидетельству сына моей старшей тетушки Аделаиды Владиславовны – Юрия Александровича Гертига, в детстве бывавшего в тех местах, когда-то в усадьбе проживал и сын Константина Константиновича, «дядя Костя», как мы его называли. Судьба этого внука Викентия Антоновича была причудлива: до революции он закончил кадетский корпус, потом довольно долго жил в Москве и преподавал в академии Жуковского и, по-видимому, был репрессирован, так как я помню, что после войны он выступал на эстраде с оригинальным номером, сочетавшим элементы работы иллюзиониста и виртуозной игры на музыкальных инструментах. Мама как-то обмолвилась, что его выручил абсолютный слух, благодаря которому он имел кусок хлеба. Потом Константин Константинович переехал со своим номером и молодой женой, выступавшей вместе с ним, в Ялту и там же умер – в 70-х гг.

Проездом в Ялту дядя Костя был в гостях у мамы, оставив на память изящную фигурку в японском национальном парчевом костюме, которую привез откуда-то с Дальнего Востока. Эта фигурка уцелела до сих пор, хотя мне в детстве очень нравилось играть с ней, поворачивать головку с белым личиком и расчесывать черные волосы.

Смутно припоминаю, как мама рассказывала, что была любимицей Константина Викентьевича и всегда испытывала какую-то особую духовную связь с ним. Однажды он подарил племяннице кольцо с крупным опалом, которое она очень берегла. С этим кольцом была связана грустная история с оттенком мистики. В день смерти Константина Викентьевича (мама была далеко, в Петербурге, и узнала об этом спустя какое-то время) кольцо без видимых причин расколосось. Точной даты смерти К.В. Ковалевского, как и другого дедушкиного брата Михаила, я не знаю.

Михаил Викентьевич Ковалевский родился 6 января (по ст. ст.) 1861 г. в име-

нии Хилково. Его имя упоминается в списках потомственных дворян Новоржевского у. в 1894 г. на 40-е трехлетие, где записано его звание – поручик.

Количество земли за ним числится всего 83 десятины, в 1903 г. на 43-е трехлетие не указывается звание, земли – 90 десятин.

В списке дворян Новоржевского уезда за 1906 г. значится Ковалевский Михаил Викентьевич, поручик, количество земли 122 десятины 66 сажень.

Земли, принадлежащие Михаилу Викентьевичу, – это усадьба Картачи, находившаяся совсем недалеко от имения Измалково.

Об этом дядюшке моя мама рассказывала не слишком много. Помню, она рассказывала, что он на ее памяти много болел, и лечила его собственными методами, вплоть до уринотерапии, властная супруга. Видимо, в семье существовала какая-то напряженность в отношениях с ней, неодобрение, а может, и неприязнь. Про Михаила же говорили, что он был бесхарактерный и всецело подчинен влиянию жены. Относительно его потомков я не знаю ничего достоверного.⁸

Судьба Михаила Викентьевича, по видимому, сложилась не слишком счастливо. Что побудило его уйти в отставку в чине поручика и осесть в Новоржеве и Картачах, не знаю. Возможно, здоровье его уже смолоду не было достаточно крепким для военного поприща, а может быть, склад его характера располагал совсем к иным, сугубо мирным, занятиям. В «Вестнике Псковского губернского земства» за 1898 г. и за 1899 г.⁹ (в его сельскохозяйственном отделе) сообщается, что «в пасеке г. Ковалевского, которая была расположена в самом городе Новоржеве, в одном из местных садов» проводились практические занятия по пчеловодству, где «слушатели познакомились на практике с ульями Дадана, Берлепша и улейками для вывода маток». По видимому, увлечение пчеловодством было его подлинной страстью, и он ставил перед собою задачу передать возможно более широкому кругу людей свои знания. В Новоржеве проводились занятия на курсах по пчеловодству, к которым привлекались учи-

теля, командированные различными земствами – Новоржевским, Островским, Порховским, Холмским, Торопецким, Опочецким, Великолуцким и Псковским. В 1899 г. упоминается, что учителя Новоржевского у. к этому времени слушали курс уже по 2 и по 3 раза, что свидетельствует о систематической и достаточно продолжительной работе с любителями пчеловодства в г. Новоржеве. Эти работы проводились на участке, принадлежащем лично члену Управы Михаилу Викентьевичу Ковалевскому. Мало того, упоминалось о том, что Михаил Викентьевич «изъявил готовность поддержать школьный сад, устроенный на его земле и на будущее время – в прежнем порядке».¹⁰

Михаил Викентьевич принимал деятельное участие в общественной жизни Новоржевского у. Из материалов архивно-справочной библиотеки (35 п.9/ж.92) Псковского Архива известно, что в 1893, 1895, 1897 и 1898 гг. Михаил Викентьевич с младшим братом Владиславом Викентьевичем избирался гласным. Из этих документов становится очевидным, что к 32-м годам он уже оставил военную службу. Круг его интересов был достаточно широк. Будучи гласным, Михаил Викентьевич занимался проблемами предупреждения эпизоотии, в сентябре 1900 г., уже в качестве члена Управы, он ставил вопрос о медлительности ветеринарной помощи. На том же заседании Уездного земского собрания Михаил Викентьевич сделал доклад о больнице. В следующем, 1901, году на заседании 24 июня он был выдвинут «кандидатом к земским начальникам», но уже 1 октября 1901 г. на заседании Новоржевского уездного земского собрания председатель земской управы сделал сообщение о постигшей М.В. Ковалевского «тяжкой болезни» и предложил выдать ему «хотя бы денежное пособие в размере денежного оклада». Тайным голосованием 17-ю голосами против одного Уездное Земское собрание ходатайство подержало.

В последующие годы имя Михаила Викентьевича в материалах заседаний Новоржевского уездного земского собрания уже не упоминалось.

Из Памятной книжки Псковской губернии на 1901 г.¹¹ стало известным, что Михаил Викентьевич являлся на тот период начальником Вольного пожарного общества, был членом земской управы, состоял постоянным членом правления Новоржевского ссудно-сберегательного товарищества.

Архивы губернии приоткрыли некоторые подробности относительно сельца Картачи (Карташево) Дворицкого прихода. До 1856 г. сельцо принадлежало гражданину Лифляндской губернии Андрею Терентьевичу Кушку, всего было 51 десятина земли, в двух домах проживало 2 мужчины и 1 женщина, там находились амбар, баня, гумно, скотный двор, 6 хлевов, пуня, конюшня.¹² В списке дворян Новоржевского у. на 40-е трехлетие (1894 г.) значится Ковалевский Михаил Викентьевич, поручик, количество земли 83 десятины. Речь, по-видимому, идет о Картачах, которые уже приросли землей, возможно, за счет земель Измалкова, граничащего с имением Михаила Викентьевича.

Умер Михаил Викентьевич, по-видимому, уже после 1906 г., так как в памятной книжке Псковской губернии 1905-1906 гг. в разделе «Имена»¹³ еще упомянут М.В. Ковалевский, которому принадлежал приселок Картаги (скорее всего, Картачи, так как в этих изданиях ошибки не редкость) – Карташево и пустошь Курочкино-Селиваново. Запись почти дословно повторяет запись в Памятной книжке за 1904 г.

Семейные групповые фотографии, возможно, хранят тайну М.В., так как на некоторых из них есть один и тот же человек, имени которого достоверно установить не удалось. Он примерно одного возраста с Владиславом Викентьевичем, но сходство не слишком явное. Похоронен он был, по-видимому, в Измалкове, в семейном некрополе, который в годы советской власти уже в послевоенные годы был уничтожен полностью.

Владислав Викентьевич Ковалевский родился 17 февраля 1862 г. (1 марта н.ст.) в Измалкове, скончался в 1932 г. в Ленинграде.

Младшим сыном Викентия-Иосифа-Антоня был Владислав Викентьевич Кова-

левский, человек, вокруг которого лепилась жизнь многочисленной родни. Каким-то необъяснимым образом он объединял семьи братьев Михаила и Константина Ковалевских, остался преданным братом и другом Рокицким – Станиславу и Константину, сыновьям Стефана Рокицкого и свояченицы Викентия Антоновича Ковалевского Марии, и стал добрым братом всем четверем сестрам своей жены, в первую очередь, Евгении Федоровне Фальтинг, которая, будучи незамужней, стала просто членом его семьи, а также Розалии Федоровне (в замужестве Рокицкой), Альвине-Елизавете (жене Константина Викентьевича) и Эмилии Федоровне (по мужу де Медичи).

Даже скупые хронологические сведения о его жизненном пути, почерпнутые из формулярного списка, достаточно красноречивы.

Владислав Викентьевич был младшим ребенком в семье, появился на свет в то время, когда в отношениях между Викентием Антоновичем и Анной Ивановной уже наступило время отчуждения, но, видимо, для них обоих он стал желанным, пробуждал в них какие-то надежды и, оправдывая их, вызывал чувство гордости.

Владислав Викентьевич рос способным и одаренным ребенком, прекрасно учился в классической гимназии, в совершенстве владел языками, окончив гимназию с золотой медалью, поступил в Императорский С.-Петербургский университет на юридический факультет. В 1887 г. после окончания университетского курса мой дед получил назначение и затем, с 1887 г. по 1889 г., служил мировым судьей 3-го участка Новоржевского у.

В 1889 г. он назначен земским начальником, избран гласным губернского земского собрания и заведующим Дворицкого военно-конного участка. В 1890 г. Владислав Викентьевич утвержден в должности земского начальника.

В 1891 г. назначен директором Новоржевского тюремного комитета. Становится членом ревизионной комиссии Новоржевского суда, членом Новоржевского присутствия по военным делам.

1 июня 1892 г. произведен в губернские секретари (соответствует чину поручика, XII классу табели о рангах), избран попечителем Ополинской сельской школы.

1894 г. Мой дед избран губернским земским гласным; произведен в титулярные советники (IX класс табели о рангах).

13 июля 1896 г. произведен в коллежские асессоры (VIII класс), становится попечителем Бежаницкой библиотеки.

В 1897 г. деятельно участвует во все-русской переписи. Заведует переписным участком, за что по окончании переписи награжден серебряной медалью.

В том же 1897 г. за деятельность Общества попечительства о всенародной трезвости награжден от Священного Синода Священным писанием.

В 1899 г. Владислав Викентьевич становится надворным советником, что соответствует VII классу табели о рангах.

1901 г. В.В. Ковалевский неперемный член губернского правления; член Экономического совета.

В 1903 г. дед получает чин коллежского советника (VI класс табели о рангах).

С 1902 по 1908 гг. Владислав Викентьевич избирается депутатом от дворянства Новоржевского у. В 1904 г. дед переведен в С.-Петербург (где живет на Фонтанке, 185) и получает назначение чиновником по особым поручениям Министерства внутренних дел по продовольствию, становится членом ревизионной комиссии для ревизования местных органов (Тула, Воронеж, Орел).

С 1904 по 1911 гг. Владислав Викентьевич получает чин статского советника (V класс). В Памятной книжке Псковской губернии за 1911-1912 гг. в числе почетных мировых судей Новоржевского у. За 1908 г. значится действительным статским советником (IV класс табели о рангах).

Период с 1910 г. по 1914 г. в сохранившихся материалах Псковского архива отмечен лишь записью о том, что Владислав Викентьевич являлся зав. управляющим почтовой станции Бежаницы. Однако, по некоторым источникам, в период I империалистической войны В.В. Ковалевский был, по крайней мере, в чине тайного советни-

ка, если не действительного тайного советника, занимаясь снабжением действующей армии и поставками фуража.

Владислав Викентьевич был награжден орденами Св. Анны 3-ей степени (до 1894 г.) и Станислава 2-ой степени.

Внешне мой дед Владислав Викентьевич был очень похож на своего отца Викентия-Иосифа-Антоня. Он был статен и красив, с открытым высоким лбом и тонкими чертами лица. Женился дедушка, еще будучи студентом С.-Петербургского университета, и, сопоставляя даты, можно догадаться, что он сразу привез молодую жену в имение Измалково, где 7 марта 1886 г. родилась старшая дочь – Деля. Его жена Александра Федоровна, лютеранского вероисповедания, была дочерью феллинского гражданина Фридриха Фальтинга, потомка не то голландцев, не то датчан, а по материнской линии имела немецкие корни. Ее мать Пелагея Цесе, по преданию, из берлинских немцев, жила в окрестностях города Феллин (уездного города тогдашней Лифляндской губернии) и озера Вириц-Ерв. В настоящее время город Феллин находится на территории Эстонии и переименован в город Вильянди, а озеро называется Выртсярв. Не переименованной осталась лишь река в окрестностях города – Раунда. Где-то там, в этой холмистой местности, на одной из многочисленных речушек, прадед владел мельницей (одной или несколькими, не знаю), которая давала основной доход на содержание семьи.

У матери Александры Федоровны, Пелагеи Фальтинг (в девичестве Цесе), родились тройни и двойни, и общее количество рожденных ею младенцев трудно укладывается в моей голове. Всего появился на свет 21 младенец, но детская смертность была чудовищной, болезни уносили младенцев, особенно мальчиков, одного за другим. Среди выживших детей не осталось ни одного сына, в семье Фальтинг выросли – сестры Александра, Эмилия, Альвина-Елизавета, Розалия и Евгения.

Как я уже упоминала, сестра бабушки Александры Федоровны, Альвина-Елизавета, состояла в браке со старшим бра-

том деда, Константином Викентьевичем. Розалия Федоровна вышла замуж за двоюродного брата Владислава Викентьевича – Станислава Стефановича Рокицкого. Эмилия Федоровна, бездетная сестра бабушки, была замужем за полковником царской армии, потомком аристократической итальянской фамилии – Павлом Петровичем де Медичи (имевшем семейное прозвище «солдат»).

Среди предков Александры Федоровны, моей бабушки, в семье смутно упоминалось имя участника партизанской войны с Наполеоном, героя-гусара Фигнера Александра Самойловича, но достоверных сведений о родственных связях с ним, тем более о степени его родства с семьей бабушки, я не располагаю.¹⁴ Единственный источник – рассказ старшей сестры моей мамы в передаче ее сына Юрия Гертига.

Александра Федоровна, моя бабушка, и ее сестра Розалия Федоровна (по мужу Рокицкая) были в мать – многодетны. Тройняшек у них, правда, не было, да и двойня была только одна: у Александры Федоровны. Это были ее первые роды, и родившийся первым, крупный, красивый мальчик погиб из-за ее неумелого поведения и запоздалой помощи врача-акушера. Из двойни выжила девочка, появившаяся вслед за братом, – слабенький, тщедушный ребенок, которую назвали Аделаидой в честь старшей дочери Викентия Антоновича, Аделаиды Викентьевны.

Мальчика ждали, заранее хотели назвать Володей, и это имя досталось родившемуся следующим, через полтора года сыну. Вольдемар увидел свет 17.11.1887 г., но жизнь его была коротка, так же как и жизнь следующей девочки, Валентины.

Бедная моя бабушка! Свои лучшие годы она провела в бесконечных беременностях и родах, следовавших практически ежегодно.

Последняя беременность совсем измотала ее и, кажется, разрушила ее физическое здоровье. Она долго не могла оправиться после этих родов, и больше детей у них с моим дедушкой не было.

Их младшая дочь Валентина (для всех в семье Люся), родившаяся 11.10.1898 г. че-

рез неполных двенадцать лет после старшей сестры Дели, была двенадцатым ребенком, произведенным ею на свет, и девятым из тех, что пережили младенческие годы. Уже в старости тетя Люся вспоминала с грустью, что мать была к ней более равнодушна, нежели к старшим детям, и рассказывала, что Владислав Викентьевич, очевидно правильно оценивавший ее детские переживания, был особенно чуток и нежен с нею.

Рассказывали, что бабушка была вспыльчива, хотя и отходчива, и была скоро на руку с расшалившейся детворой. Дедушка Владислав Викентьевич, напротив, был неизменно выдержан, но находил какие-то свои подходы к каждому ребенку.

В сущности, бабушка была очень верующим человеком, погруженным всегда в заботы и хлопоты о родне. Ее доброта не была показной, забота казалась всем естественной.

В семье, помимо родителей деда, уже требовавших большого внимания, постоянно жила бабушкина незамужняя сестра Евгения Федоровна, обожаемая племянниками тетя Женя, судьба которой смолоду сложилась трагически. Будучи невестой горячо любимого человека, буквально накануне свадьбы она неожиданно узнала, что ради этого брака ее жених оставил другую влюбленную в него женщину, притом «в положении». Этого было достаточно, чтобы Женя отменила свадьбу и настояла на браке своего жениха с обесчещенной им девушкой, но для самой Евгении Федоровны эта история закончилась тяжелым нервным срывом, горячкой, последствия которой напоминали о себе всю ее жизнь. После болезни Евгения Федоровна Фальтинг страдала циклическим нервным расстройством, и сестра Сашенька (моя бабушка) неизменно была рядом, опекала ее, поддерживала и научила своих детей любить и жалеть тетушку, чтобы в их кругу она забывала о своем одиночестве. Мой дедушка, в свою очередь, с готовностью делил с женой заботы о свояченице.

В круг забот бабушки входила и многодетная младшая ее сестра, Розалия Федоровна, которая была замужем за Станисла-

вом Стефановичем Рокицким, двоюродным братом Владислава Викентьевича (сыном сестры прадеда Викентия Антоновича) и жила в Новоржеве, а летом, по рассказам ее потомков, - в усадьбе Соколово, Нагорном (все в Новоржевском уезде). Жизнь двух других сестер бабушки - Альвины-Елизаветы и Эмилии Федоровны - также связана с Новоржевом, Псковом и их окрестностями. Альвина-Елизавета, жена старшего брата Владислава Викентьевича, Константина Ковалевского, вместе с ним какое-то время жила в Полтавской губ., где муж служил землемером, а в 1891 г. переехала в Великие Луки, затем в 1904 г. в Новоржев, когда Константин Викентьевич получил должность земского начальника 3-го участка Новоржевского у.

Летом их семья жила в имении Иваново в окрестностях Новоржева, проводила время в Хилково, Прокофново, навещалась в Измалково.

Бездетная сестра бабушки Эмилия Федоровна жила в Новоржеве, в Пскове, выезжала, единственная из сестер, за границу и много внимания и любви посвящала своей крестнице, маминой сестре Нине, которая, с согласия бабушки, подолгу жила в семье своей крестной, ездила с ними отдыхать «на воды» и, приезжая к родителям, вызывала у младших детей невольное восхищение, а может быть, тайную зависть своими нарядами и дорогими игрушками - подарками тети Мили. Своих детей у тети Мили не было, а крестница, несмотря на заботу, которой ее окружали, погибла чрезвычайно рано, в возрасте шестнадцати лет от скоротечной формы чахотки, угроза которой, по-видимому, постоянно висела над семьей. Смерть Нины поселила в душах родителей постоянный страх в отношении других детей. Мою маму, вскоре заболевшую воспалением легких, в панике мгновенно поместили в туберкулезный санаторий Халила в Финляндию, откуда врачи отправили ее обратно через 3 дня, боясь, что именно там она будет инфицирована. Однако если тогда паника оказалась ложной, то в голодные годы у мамы открылось кровохарканье, к счастью, закончившееся выздо-

рвлением, а ее сестра Женя погибла от развившегося туберкулеза.

Все-таки, несмотря ни на что, брак Владислава Викентьевича и Александры Федоровны был благословлен в детях, которые были, как на подбор, ладными, красивыми и умными. Деля, Женя и Люся походили на мать; Володя, Лена, Нина, Лева, Саша и Миша имели больше сходства с отцом.

Дедушка и в старости был красив, а внешность Александры Федоровны портили следы перенесенной когда-то черной оспы, и назвать ее красивой трудно даже в юности. Очевидно, было в ней какое-то особое обаяние, так как Владислав Викентьевич был к ней глубоко привязан, и брак их был долгим и прочным. Вместе они прожили длинную жизнь, стойчески перенося жизненные испытания, смерть детей, эмиграцию сыновей Саши, Володи и Миши, утрату практически всего имущества, и умерли один вслед за другим - дедушка в 1932 г., а бабушка в 1933 г. Их похоронили уже не на родовом кладбище в Измалково, рядом с родителями, а в Ленинграде, на Новодевичьем кладбище.

Но тогда, на пороге XX в., о потерях никто не думал, выводок веселой детворы множился, и звенело Измалково детскими голосами.

На свет один за другим появились: первая, Аделаида (07.03.1886 г.); Вольдемар 17.11.1887 г. (умер в младенчестве); Валентина в 1890 г. (вскоре умерла); Елена (моя мама) - 26.07.1891 г.; Евгения (04.09.1892 г.); Владислав (Володя) - 30.07.1893 г.; Нина (31.07.1894 г.); Лев (01.08.1895 г.); Александр (30.09.1896 г.); Михаил (10.10.1897 г.); Валентина (11.10.1898 г.).

В имении был огромный фруктовый сад. Мой старший двоюродный брат Юрий, сын Аделаиды Владиславовны, застал его еще в пору плодоношения и рассказывал, какие редкие сорта яблонь разводили в Измалково. На территории сада держали паеску, в пруду разводили карпов.

За обедом собиралась вся семья, каждый из детей поочередно заказывал свои любимые блюда, остальные подчинялись, дожидаясь своего дня, когда придет очередь

выбирать меню. Жадность и капризы не поощрялись. Однажды Деля, старшая из детей, которая каждый раз в «свой» день на сладкое заказывала кисель, увидев поданное к столу и рассчитанное на всех блюдо, фыркнула: «Его так мало, я одна могу столько съесть!» Владислав Викентьевич помрачнел и сказал: «Ну что ж, дети, все остаются без сладкого, а Деля не встанет из-за стола, пока не съест все». Отец выдержал характер, Деля просидела за киселем до вечера, конечно, так и не сумев одолеть его, но урок извлекли все дети. Правда, тетя Деля с тех пор навсегда разлюбила кисель, но эту историю знали все внуки Владислава Викентьевича и делали выводы.

В летние месяцы мой дед, естественно, мог приезжать в Измалково только по выходным, а зимою, когда все дети были в городе, приезжал на обед, чтобы побыть с семьей и потом отдохнуть минут 15, а потом снова уходил до позднего вечера. Его отдых берегли: дети старались не шуметь, но за столом было обязательно правило – рассказ одного из детей о чем-нибудь интересном.

После назначения Владислава Викентьевича в 1904 г. в С.-Петербург семья обосновалась на Фонтанке, 185, наискосок от Гознака. У деда прибавилось и работы, и ответственности. Теперь по долгу службы ему приходилось уезжать с инспекционными поездками по стране. Помню, мама рассказывала, как с Урала он привозил жене и дочерям недорогие, но сделанные с большим вкусом и изяществом украшения с уральскими самоцветами.

Летом, будучи таким же страстным охотником, как и Викентий Антонович, Владислав Викентьевич брал на охоту детей, не только сыновей, но и девочек. Мама дважды участвовала в облаве на волков, хорошо стреляла из ружья. Ездили, как рассказывала тетя Деля, в район Пустошки, где у прадеда были охотничьи угодья.

Влияние Владислава Викентьевича на детей трудно переоценить. Его метод воспитания был основан на личном примере и предполагал неукоснительное уважение старших и взаимное уважение между детьми.

Женщины в семье ему очень помогали, поддерживая культ отца. Александра Федоровна, вечно беременная, занималась домом и детьми, ее сестра Женя любила кудесничать на кухне. Мама рассказывала о чудедействии, которое творилось на кухне, когда пеклись «бабки», особенно «серенькая бабка», рецепт которой так и был утрачен со смертью Евгении Федоровны: все ходили на цыпочках, чтобы не осело тесто.

Прислуга в доме чувствовала себя на правах членов семьи. Дед мой был неизменно уважителен с людьми и искал в них проявления лучших черт. Одним из его правил было, что лучше ошибиться в человеке, чем отнестись к нему заранее предвзято. Мама передала мне и другое его напутствие детям – судить о людях не по тому, как они относятся к тебе лично, а по тому, как ведут себя вообще с окружающими людьми, потому что только такая оценка человеческих качеств может быть объективной.

Правда, после революции прислуга оплатила моему деду за его ровное и неизменное доброжелательное отношение вполне в духе времени. Когда был заключен мир и члены семьи начали собираться с фронтов в Питер, выяснилось, что почти все белье и фамильное серебро исчезло. Из чистосердечного признания прислуги, одновременно и наивного, и наглого, следовало, что никто не ожидал увидеть хозяев снова, и поэтому вещи и столовые приборы были переправлены в деревню. Разворачивалась революция, наваливалась черная пора, когда все имущество было постепенно продано, чтобы пропитаться и выжить.

Первая империалистическая война обрушилась на семью Ковалевских, в корне изменив судьбу каждого.

Владислав Викентьевич, до войны служа помощником министра в Министерстве внутренних дел по продовольствию, занимался в годы войны поставками фуража и продовольствия для действующей армии.

Сыновья Владимир, Александр и Михаил, закончив кадетский корпус, были на фронтах, Лев Владиславович, закончивший Морской кадетский корпус, стал военным летчиком.

Бабушка сопровождала деда и, так же как и старшие дочери, посилено работала в тыловых госпиталях. Деля, Лена (моя мама) и Женя поступили на экстренные курсы сестер милосердия и работали в лазаретах.

Мама все военные годы проработала хирургической сестрой в прифронтовом лазарете Северо-западного фронта. Там же заведовал хозяйством прифронтового лазарета двоюродный брат деда Станислав Стефанович (Степанович) Рокицкий.

В армии были и дети из семьи Рокицких.

Из сыновей Владислава Викентьевича вернулся с фронта только Лев Владиславович. Владислав (Володя), Александр и Михаил пропали без вести, и, только много времени спустя, Владислав Викентьевич, находясь в зарубежной командировке, узнал, что они покинули Россию с частями Белой армии.

Михаил, офицер Белой армии, вместе с большой группой русских эмигрантов первой волны нашел пристанище в Праге. Александр жил в Париже. Судьба же Володи до сих пор не совсем ясна: по некоторым сведениям, он погиб на фронте, по другим – умер в эмиграции в 30-х гг.¹⁵

Александр прожил во Франции до 1985 г. Его женой стала Елена Владимировна Скобельцина из псковского древнего рода. Он пережил Елену Владимировну и дочь Татьяну, оставив трех внуков.

Судьба Михаила сложилась трагически. Когда части Красной Армии освободили Чехословакию от немецких фашистов, он был арестован, осужден на 8 лет без конфискации имущества за неимением такового и умер 18.04.1950 г. в Каргугаге. Об этом я узнала достоверно, направив запрос в ФСБ, после того как были открыты старые архивы.

Младший брат Лев Владиславович, один из первых авиаторов, летал на Крайнем Севере и погиб в 1935 г. Последние годы жизни он работал на воздушной линии УХТГулага.¹⁶

Дедушка Владислав Викентьевич, зах-

ваченный идеей социальной справедливости, продолжал после революции работать и получил назначение заместителем торгпреда в Таллинне, затем был членом Арбитражной комиссии, работал в Ленинградском порту и умер в 1932 г. Бабушка Александра Федоровна скончалась в 1933 г.

Евгения Федоровна умерла от туберкулеза в 1925 г.

Отечественную войну пережили Аделаида и Валентина, блокадницы, и моя мама. Тетя Деля умерла в Ленинграде в 1965 г. Елена Владиславовна скончалась в 1975 г., Валентина Владиславовна – в 1979 г., они похоронены в Москве.

После I империалистической войны семье Ковалевских не суждено было воссоединиться. Насколько мне известно, мужская линия оборвалась, если не предположить, что у Владимира Владиславовича остались сыновья; возможно, жив сын от первого брака Владимира Львовича, Владимир Владимирович Ковалевский.

Потомки Аделаиды носят фамилии Рудневы, Гертиг, Хворостухины; дочь, внучка и правнук Елены Владиславовны – Лебеденко, Хлебникова, Афанасьев. Потомки Александра Владиславовича, умершего в 1985 г. в эмиграции, - Иванжины, Князевы, Чернокрак (Сегносгак), живут во Франции. Линия Константина Викентьевича Ковалевского, по-видимому, прервалась в 70-х гг. Его сын Константин Константинович умер в Ялте, не оставив детей. У Михаила Владиславовича, по свидетельству внучки Александра Владиславовича, детей не было.

Грустная это задача – писать об истории семьи, сознавая, как мало я знаю об очень, по существу, близкой родне. Ведь каждый человек – это целый мир, который он уносит с собой навсегда. Когда-то мои предки дали жизнь своим детям, имена которых стерты временем, но печаль о них, давно ушедших, безымянных, живет в сердцах их далеких потомков.

Примечания

1. Все сокращения приведены по тексту Указателя; полная расшифровка сокращений дана Л.М.Савеловым в конце текста, занимает много места, поэтому здесь не имело смысла приводить ее полностью.
2. Ловчий - старший охотник, должность при Польском дворе
3. Ян III, известный как Ян Собеский (Sobieski) - король Речи Посполитой с 1674 г., полководец, в 1683 г. разгромил турецкую армию, осаждавшую Вену. В 1686 г. заключил «Вечный мир» с Россией.
4. Мостовая повинность - обязанность сельского общества или землевладельца поддерживать мосты на принадлежащей им земле, а в городах обязанность домовладельцев мостить улицы и тротуары.
5. Возможно, именно о Федоре, а не о легендарном Доминике шла речь как о «виночерпии».
6. ГАПО. ф.20. оп.1, Д.1512, л.150 об.
7. О том, что Константину Викентьевичу или Владиславу Викентьевичу когда бы то ни было принадлежали земли в районе имения Хилково, документального подтверждения так и не нашлось.
8. В связи с выселением бывших помещиков в 1925 г. в списках ОГПУ значилась проживавшая в Картачах Мария Михайловна Пузуль, о которой говорилось, что «ныне она носит фамилию Машевская и проживает с детьми Михаилом, Ольгой и Татьяной Машевскими». О ней также сообщалось, что М.М. была дочерью губернского секретаря. Учитывая, что по данным «Вестника Псковского губернского земства» в 1899 г. Михаил Викентьевич был членом губернской управы, логично предположить, что Мария Михайловна была его дочерью, унаследовавшей Картачи.
9. Вестник Псковского губернского земства. 1898. №II; 1899, №7
10. Так в тексте «Вестника Псковского губернского земства» за 1899г., №7 а.
11. Памятная книжка Псковской губернии на 1901 г. Псков.1901. СС.99,101.
12. ГАПО. ф.57. оп.2. д.12. л.27.
13. Памятная книжка Псковской губернии 1905-1906 гг. Псков 1905. Сс.399-400.
14. Некоторая вероятность, что такое родство могло иметь место в действительности, все же существует: в числе имен жителей Псковской губ. я встречала и фамилию Фигнер, однако без каких-либо комментариев, так что это равно можно считать простым совпадением.
15. Долгое время предполагалось, что он жил в Чехословакии, но согласно более позднему уточнению, - скорее всего умер в Румынии.
16. До ознакомления с подлинными документами из архива его сына это был ранее неизвестный факт.

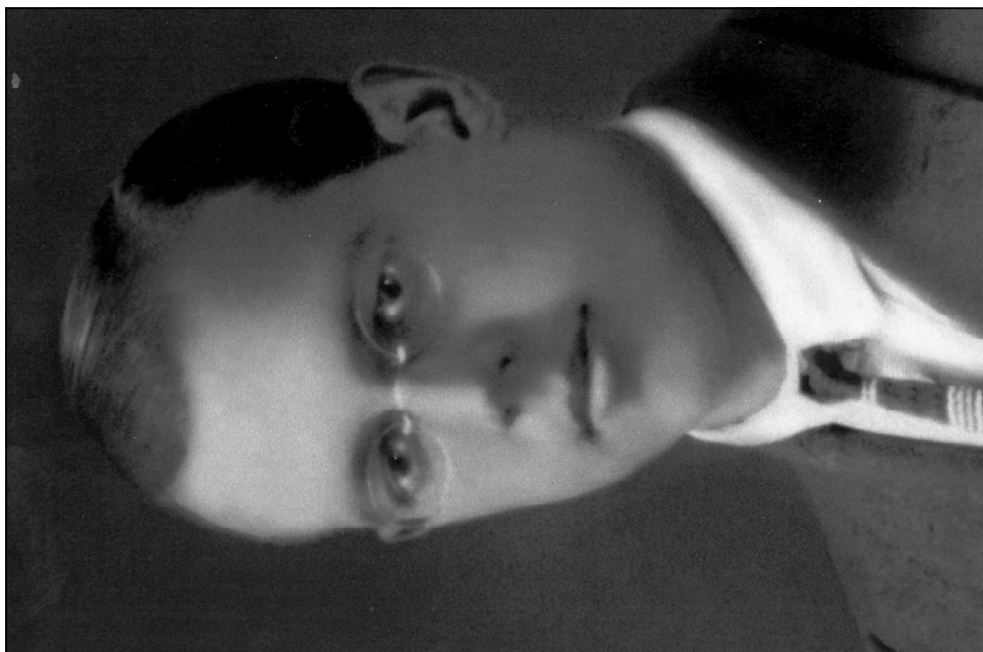
Ковалевский Константин Викентьевич в Измалкове.

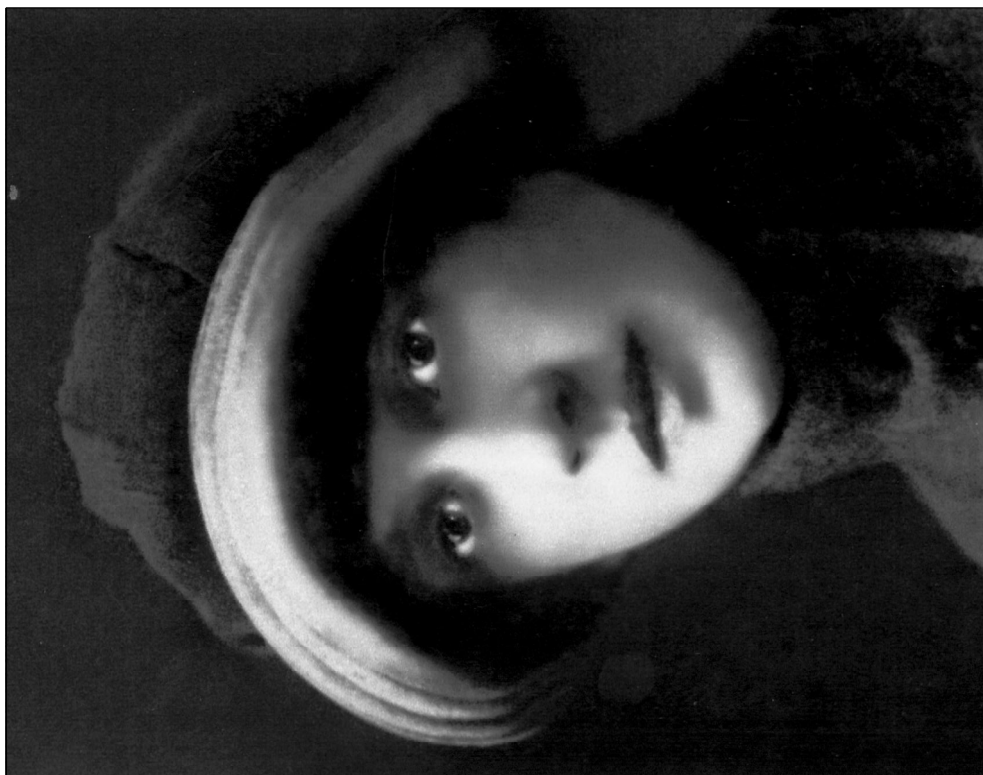
Викентий Антонович Ковалевский. 1831 - 1914 г.
Фотография 1910 г.

**Снимок перед домом в Измалкове.
Слева направо: Володя Ковалевский, Владислав Викентьевич Ковалевский,
Женя Ковалевская, Станислав Степанович Ракицкий.**

Ковалевский Александр Владиславович.

Ковалевская Елена Владимировна (урожд. Скобельцина).